

А. С. Пушкин

Капитанская дочка

Часть 1

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

А. С. Пушкин

Капитанская дочка: Часть 1 / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 118 с.

ISBN 978-5-4241-0659-0

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданию 1837 года (Санкт-Петербург, типография Н. Греча)

ISBN 978-5-4241-0659-0

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, попомъ въ Пруссіи солдашомъ, попомъ пріѣхаль въ Россію *pour être outchitel*, не очень понимая значенія этого слова. Онъ былъ добрый малой, но въпренъ и безпупень до крайности. Главною его слабостію была страсть къ прекрасному полу; не рѣдко за свои нѣжности получалъ онъ пощечки, отъ которыхъ охаль по цѣлымъ супкамъ. Къ тому же не былъ онъ (по его выраженію) и *врагомъ бутылки*, то есть (говоря по-Русски) любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, при чемъ учителя обыкновенно и обносили: то мой Бопре очоно скоро привыкъ къ Русской настойчи и даже спать предпочипать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы пошчасъ поладили, и хопя по конспракшу обязанъ онъ былъ учить меня *по-Французски, по-Немецки* и *всѣмъ наукамъ*, но онъ предпочелъ наскоро выучиться отъ меня кое-какъ болшашъ по-Русски, — и попомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жи-

ли душа въ душу. Другаго ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вопѣ по какому случаю :

Прачка Палашка, полстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька, какъ-то согласились въ одно время кинуться мапушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье. обольстившаго ихъ неопытность. Мапушка шутить этимъ не любила, и пожаловалась бапюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ пошчасъ попребовалъ каналью Француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Бапюшка пошелъ въ мою комнапу. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на опѣнѣ безо всякаго употребленія и давно соблазняла меня шириною и добропою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нее змѣй, и пользуясь сномъ Бопре, принялся за работу. Бапюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ

географіи , башюшка дернулъ меня за ухо, попомъ подбѣжалъ къ Бопре , разбудилъ его очень неоспорожно , и спалъ осыпалъ укоризнами. Бопре въ смященіи хотѣлъ было привспалъ , и не могъ : несчастный Французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ, одинъ опившъ. Башюшка заворопъ приподнялъ его съ кровати , вытолкалъ изъ дверей , и въ шопъ же день прогналъ со двора , къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ , гоняя голубей и играя въ чахарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тушъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью машушка варила въ гостиной медовое варенья, а я, облизываясь, смошрѣлъ на кипучія пѣнки. Башюшка у окна читалъ Придворный Календарь. ежегодно имъ получаемый. Эпа книга имѣлъ всегда сильнос на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ея безъ особеннаго участія и чшеніе эпо производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Машушка, знавшая наизусть всѣ его свѣчаи и обычаи,

всегда спаралась засунуть несчастную книгу как можно подалѣе и такимъ образомъ Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то когда онъ случайно его находилъ, то бывало по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ. И такъ бапюшка читалъ Придворный Календарь, изрѣдко пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генераль-поручикъ!.. Онъ у меня въ рошѣ былъ сержантомъ!... Обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ!.. А давно ли мы....» Наконецъ бапюшка швырнулъ Календарь на диванъ, и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ мапушкѣ: «Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Пепрушѣ?»

— Да вошѣ пошелъ семнадцатый годокъ — отвѣчала мапушка. Пепруша родился въ томъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимова, и когда еще....

«Добро» — прервалъ бапюшка — «пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ да лазить на голубятни.»

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила мамушку, что она уронила ложку въ коспрюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напрошивъ того трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ Пешербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что по мнѣнію моему было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять свои намѣренія, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

«Не забудь, Андрей Пепровичъ» — сказала мамушка — «поклонись и отъ меня князю Б. Я дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Пепрушу своими милостями.»

— Что за вздоръ! — отвѣчалъ батюшка нахмуясь. Къ какой спаша спану я писать къ князю Б. ?

«Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Пепруши.»

— Ну, а тамъ что ?

« Да вѣдь начальникъ Петрушинъ—князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ Семеновскій полкъ. »

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ служба въ Петербургъ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да попянешъ лямку, да понюхаетъ пороху да будетъ солдатъ, а не шамапонъ. Записанъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда.

Машушка отыскала мой пашпортъ, хранившійся въ ея шкапулкѣ вмѣстѣ съ сорокою, въ кошорой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшпрочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ, и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда-жъ отправляютъ меня, если уже не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшкина, кошорое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки, и подозвавъ меня, сказалъ: « Вотъ шебъ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему

старинному поварищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служить подъ его начальствомъ.

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Въмѣсто веселой Петербургской жизни ожидала меня скука въ споронѣ глухой и опдаленной. Служба, о которой за минушу думалъ я съ такимъ воспоргомъ, показалась мнѣ пѣзкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего. На другой день по утру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Пётръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду. » Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дѣпашей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я съѣлъ въ ки-

битку съ Савелийчемъ, и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

Въ ту же ночь прїѣхалъ я въ Симбирскъ гдѣ долженъ былъ пробить сутки для закупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савелиичу. Я остановился въ трактирѣ. Савелиичъ съ утра отправился по лавкамъ. Соскуча глядѣть изъ окна на грязный переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣвъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными усами, въ халатѣ съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣсть подъ билліардъ на четверинкахъ. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулки на четверинкахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ билліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова, и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, по видимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня

какъ бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при приѣмѣ рекрутъ, а спойтъ въ практиръ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ, по-содатски. Я съ охотою согласился. Мы съѣли за споль. Зуринъ пилъ много и подчивалъ и меня, говоря что надобно привыкать къ службѣ; онъ рассказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ.» Это» говорилъ онъ—«необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, на примѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Въдь не все же бить Жидовъ. По неволѣ пойдешь въ практиръ и спанешь играть на билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!» Я совершенно былъ убѣжденъ, и съ большимъ прилежаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ; и послѣ нѣсколькихъ уро-

ковъ, предложилъ мнѣ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрasha, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ меня попробовать, повторяя, что въ службѣ надобно мнѣ привыкать, а безъ пуншу, что и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я отъ моего спакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно лепали у меня черезъ борть; я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ въдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру, словомъ, велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій, и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я спалъ извиняться. Зуринъ прервалъ: Помилуй! Не изволь и безпоиться. Я могу и подождать, а покаместъ поѣдемъ къ Аринушкѣ.»

Что прикажете? День я кончилъ так-